

«Большой брат» следил за каждым

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Сегодня – День памяти жертв политических репрессий. Немалое число и наших земляков-ярославцев на себе испытало все «прелести» коммунистического режима, вдосталь нахлебалось тюремной баланды. Среди тех, кто не понаслышке знаком с лагерной жизнью тех лет, на личном опыте убедившийся, «как вольно дышит человек» в Стране Советов, – Виктор Петрович Данилов. Своими воспоминаниями он делится с читателями «Северного края».

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В 1933 году, мне уже было 6 лет, арестовали мою бабушку по матери. От неё потребовали выдать золотые вещи. Некто донёс, что она как будто бы имеет много золота. Бабушке угрожали, что если она не отдаст его, то её надолго посадят, и она, побывавши в тюрьме несколько дней, отдала то, что было заработано её мужем при царской власти.

Однажды ночью, шёл 1937 год, я проснулся от голосов в нашей квартире: нас посетили работники НКВД. Они сделали обыск и арестовали моего дедушку по матери, работавшего техником, а через некоторое время и его сына-инженера, моего дядю. Обоих обвинили в антисоветской деятельности. Они просидели в следственной тюрьме НКВД около полутора лет, но... были признаны невиновными и освобождены под расписку о неразглашении тайны о методах ведения следствия.

Хотя мне было всего 10 – 11 лет, я хорошо помню тогдашнюю политическую атмосферу. В стране ощущалось недовольство коммунистическим режимом со стороны крестьян, которых силой загнали в колхозы, и дореволюционной интеллигенции.

В начале войны мне пришлось участвовать в конфликте рабочей молодежи с властями, который закончился вызовом нескольких юношей в НКВД. Учащиеся ФЗО в возрасте 15 – 17 лет объявили забастовку в связи с плохим питанием. Они отказались покинуть столовую и идти к месту работы. Был вызван начальник военизированной охраны (дело было на Ярославской ТЭЦ), который, чтобы устрашить юношей, арестовал одного из них. Возмущенные ребята направились в штаб военизированной охраны и потребовали освободить товарища. В ответ начальник охраны выхватил револьвер и закричал на нас: «Разойдитесь, стрелять буду!» Один из юношей рывком расстегнул на груди рубашку и, выступив вперед, выкрикнул в ответ: «Стреляй!» Тогда начальник охраны приказал стрелку-охраннику бить нас прикладом. Мы отступили. На следующий день некоторых юношей вызвали в НКВД и допрашивали, но никого не арестовали.

В 19 лет я поступил на исторический факультет педагогического института и стал членом профкома.

Тем временем из немецкого плена вернулся мой отец и стал работать врачом, но в 1947 году он был арестован КГБ по обвинению в антисоветской агитации и добровольной сдаче в плен, за что получил 25 лет лагерей.

АРЕСТ И СУДИМОСТЬ

Осенью 1947 года в перерыве между лекциями в педагогическом институте ко мне подошел юноша оригинального облика: с бородой и в спецодежде (я буду

его называть Ю. Д.). Мы познакомились и провели вместе около 12 часов. Как оказалось, мы имели много общего в оценке политической ситуации в стране и в планах личной жизни. Он убеждал меня, что среди студентов подобных нам много, и познакомил еще с двумя. С одним из них моё знакомство продолжалось не более пяти минут, с другим я сблизился, ибо мы учились в одном институте. Ю. Д. уехал в Ленинград, где учился в университете на отделении истории партии.

Примерно через полгода мы узнали, что в Ленинграде арестованы студенты, среди которых и Ю. Д. В Ярославле стали вызывать на допросы в МГБ его знакомых. Затем арестовали тех двух студентов, с которыми он меня познакомил, а в июне 1948 года арестовали и меня. Всех нас обвинили в групповой антисоветской агитации. По делу проходило 8 человек. Перед судом дело Ю. Д. выделили в особое судопроизводство. Его признали якобы психически больным и освободили из тюрьмы, дали возможность окончить вуз и поступить в аспирантуру по философии. Оказалось, что Ю. Д. был секретным сотрудником МГБ, провокатором, инициировал создание «антисоветских» групп.

Мы считали, что нас арестовали ошибочно, что органы разберутся и нас выпустят. Этого не случилось, приговор суда вызвал у нас глубокое нервное потрясение.

ЛАГЕРЬ

После суда нас отправили отбывать наказание в особый политический лагерь через переписьную тюрьму в городе Кирове (теперь Вятка). Эта тюрьма была настолько переполнена, что заключенные спали не раздеваясь, и если на нарах, то только на боку, а большинство под нарами на полу.

Наконец нас привезли в город Инта Коми АССР, в лагерь МинЛАГ. Он состоял из 6 – 7 лагерных отделений, в каждом из которых было от двух с половиной до четырех тысяч человек. Основная работа – добыча каменного угля в шахтах.

Вначале заключенные попадали в распределительное отделение, где их сортировали с учетом здоровья и профессии, затем развозили по рабочим отделениям или в инвалидный лагерь. Началась борьба за выживание. Люди старались устроиться на менее опасную и более лёгкую работу. Трудоустройство в большой степени зависело от знакомств. Были заключенные, занимавшие должности бригадиров, начальников разных отделов и служб. Они решали, кому дадут ту или иную работу. Для уклонения от тяжёлых и опасных работ симулировали болезни, например повышали температуру тела. Тогда больного помещали в госпиталь, и он мог избе-

жать очередного набора на подземные работы, считавшиеся особенно опасными.

Были такие, кому удавалось хорошо трудоустроиться, если они имели нужную и редкую специальность. Но были и те, кто для хорошего трудоустройства соглашался стать секретным сотрудником лагерного отдела МГБ, в просторечии стукачом.

ВТОРАЯ СУДИМОСТЬ

Жизнь в лагере кроме отрицательных имела и положительные стороны. Одна из них – это возможность получения всесторонней информации. На небольшом пространстве лагеря были собраны люди разных религиозных и политических взглядов, профессий, в том числе и высокообразованные. При желании, общаясь с ними, можно было узнать многое.

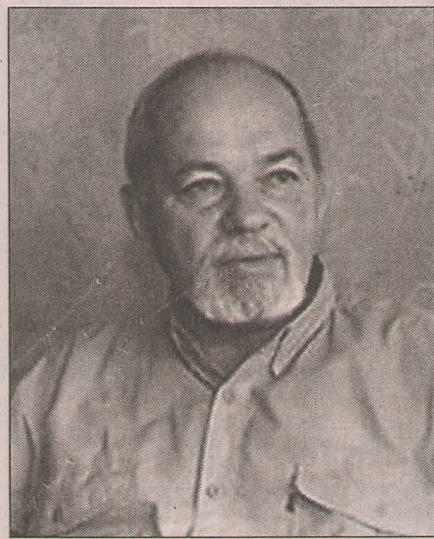
Постепенно я пересмотрел свои идеологические взгляды и из безбожника превратился в религиозного человека. Кроме жажды знаний и поиска смысла жизни я иногда задумывался о возможности побега из лагеря. 10 лет полученного мной срока казались вечностью. Я стал мечтать о побеге, делился мнениями с некоторыми товарищами и... попал на секретных работников МГБ. По их доносам на третьем году заключения в лагере я был арестован и обвинен в подготовке группового побега. Мне угрожал срок наказания в 25 лет. Я оказал упорное сопротивление следствию и в результате добился перемены обвинения с подготовки группового побега на антисоветскую агитацию. Правда, я получил от чекиста несколько ударов по лицу и десять суток карцера, зато мне дали дополнительно только десять лет лишения свободы, начиная с ареста в лагере.

По выходе из лагерной тюрьмы я попал под действие неписаных привилегий дважды судимых, достойно державшихся на следствии и никого из товарищей не предавших. В знак уважения и для отдыха после чекистского «курорта» я целый месяц мог не работать, а мой бригадир обязан был проводить меня за счет приписок как работающего. Повара обязаны были меня подкармливать в течение месяца, то есть давать питание сверх положенной нормы. Моральные авторитеты товариществ обязаны были мне помогать трудоустроиться на более лёгкую работу.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Наконец, умер Сталин, затем был расстрелян Берия, началось разоблачение культа личности. Нам стали платить небольшую зарплату. Во многих лагерях начались забастовки с требованием свободы. Для их подавления в жилые зоны вводились войска, использовавшие против заключенных оружие, а под Карагандой – и танки. Заключенные отвечали возведением баррикад, применением самодельных бомб и другими методами борьбы.

В нашем лагере прошла забастовка по причине незаконного убийства охранником заклю-

ченного. Мы потребовали комиссии для расследования убийства и наказания виновного.

В связи с разоблачением культа личности Сталина была проведена амнистия осужденных на 5 лет и начались пересмотр уголовных дел политзаключенных, персональные амнистии и освобождение людей за отсутствием в их действиях состава преступления. Я также попал под амнистию сначала первой судимости, затем и второй. А несколько позднее был реабилитирован по обоим судимостям за отсутствием состава преступления.

ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Я вернулся на родину по амнистии и в связи с реабилитацией был восстановлен на учебу в педагогическом институте на историческом факультете. В 1959 году сдал экзамены. Но в выдаче диплома мне отказали по той причине, что я... активный католик. При этом показали донос на меня второй жены моего отца. Она написала его в отместку за то, что он ее бросил. Пришлось писать жалобу в ЦК профсоюзов и в Министерство образования о незаконном отказе мне в выдаче диплома. В результате через полгода я диплом получил.

В начале 60-х я работал в научно-исследовательском институте, когда был вызван в КГБ по обвинению в религиозной пропаганде. Через несколько дней после этого события руководство института отказало мне в повышении зарплаты (ранее обещанном), в публикации моей научной статьи в министерском журнале и в выдаче мне характеристики для сдачи кандидатского минимума. Своё поведение администрация НИИ объяснила указаниями от КГБ о запрете повышать мой авторитет и допускать меня, как религиозного человека, в науку.

Я вынужден был переехать жить в другую республику. Но и на новом месте подвергся домашним обыскам и множество раз вызывался на допросы в КГБ. Меня пытались запугать и отговорить от религиозной деятельности, но я продолжал ею заниматься, за это расплачивался проблемами в трудоустройстве. Мне всегда отказывали в почтенных за хорошую работу (почетных грамотах, премиях и т.д.). И только с падением в нашей стране коммунистической диктатуры я получил свободу от преследований за свои религиозные взгляды.

Виктор ДАНИЛОВ.